

Следующим важнейшим этапом в развитии административной системы стали реформы М. М. Сперанского, которые, несомненно, требуют тщательного и более детального разбора, а потому выведены за хронологические рамки данной работы.

Литература

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 783. Оп. 1. Д. 3, 5.
2. Российский государственный архив Древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Д. 2480.
3. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки / А. И. Алексеев. – М., 1982. – 288 с.
4. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. / Г. Ф. Быконя. – Красноярск, 1985. – 300 с.
5. Василенко М. В. Кадровые проблемы Охотской флотилии во второй половине XVIII века по следственным документам Иркутской палаты уголовного суда // Изв. Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Иркутск, 2005. – Вып. 4. – С. 25–29.
6. Казарян П. Л. Из истории административного устройства и управления северо-востоком Сибири в 1629–1821 гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. – Владивосток : ДВО РАН, 2003. – Т. 4. – С. 18–31.
7. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке 1759–1772 гг. // Морской сборник. – 1869 – № 6.

КУЛИКОВА А. Н.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ XVIII–XIX ВВ.

Со второй половины XVII в. – до начала XX в., в ситуации активной российской колонизации Якутской области, в тесное соприкосновение пришли народы, принадлежащие к различным культурным традициям. Местные якутские и тунгусские племена оказались под сильным влиянием русской православной культуры, что не могло не сказаться на традиционных религиозных представлениях, привычном образе жизни и видах хозяйствования.

До XVII в. в Якутской области преобладала традиционная культура коренных народностей, которые были представлены многочисленными этническими группами. На обширной территории разбросанно проживали такие племена, как юкагиры, нанайцы, коломцы, яндыри, долгане (на северо-востоке) [1]. В центральной части Якутии проживали предки якутов (кочевые и полукочевые группы), южную часть северного края занимало тунгусское население, также делившееся на ряд племен. Несмотря на

разнородность этносов и их разобщенность, культура северных народов была схожа. В духовной и материальной культуре у каждой этнической группы Якутии можно выделить ряд идентичных элементов. В материальной культуре схожими были традиционные виды хозяйствования и промыслы. В духовной – религиозные представления и обрядность: синкретизм анимизма, фетишизма, тотемизма, мифологии и магии, а позднее шаманизма представляет собой сложную систему религиозных представлений, получившую широкое распространение в культуре всех народов «арктического круга». Эти представления были тесно связаны с охотничьим и рыболовным промыслом, скотоводством (у якутских племен) и оленеводством (у различных эвенкийских и чукотских народностей). Наличие подобных культурных компонентов позволяет нам рассматривать традиционную культуру народов Якутии в едином комплексе.

Новый этап исторического и культурного развития народов Якутии был ознаменован тесным взаимодействием с русской культурной и религиозной традицией. Культурная ассимиляция аборигенного населения была неизбежным следствием русской колониальной кампании, нацеленной на расширение территориальных границ на северо-востоке Сибири. Процесс межкультурного сближения зависел от возрастающего политического влияния колонистов, в который уже со второй половины XVII в. была включена обширная программа по русификации и православной христианизации коренного населения. Именно эти формы явились основными в культурном воздействии на иноэтнические общности.

В сложной ситуации первичного взаимодействия местного коренного населения и пришлых русских (как известно, не обошлось без военных столкновений) этнокультурные контакты устанавливались медленно. Первоначальное распространение православных традиций в среде местного населения имело весьма неоднозначный характер. Первыми новокрещеными были ясыри – рабы, захваченные казаками «на погроме». Рабов крестили, чтобы закрепить их за собой, так как крещеным труднее было бежать. Особенно часто эта участь постигала женщин-ясырок. Как правило, крещеные женщины-рабыни становились женами, либо наложницами русских казаков. Установление межэтнических браков способствовало прочному усвоению основ православной

культуры в наиболее тесных общественных связях – семейно-брачных (впоследствии моногамный православный брак повлиял на упразднение многоженства зажиточных тойонов в среде инородцев). Также в числе первых крещаемых (но уже добровольных) были обнищавшие, лишившиеся родственной поддержки якуты. Принятие православной веры было вынужденной мерой, так как спасало от голодной и холодной смерти. Все, кто крестился, отрывались от соплеменников и проживали в городе, среди русских. Именно таким образом православие на начальном этапе своего становления в Якутии закреплялось в среде коренного населения. В этот период распространения христианства имела место практика вознаграждения новокрещеных за переход в православие, что обусловило численный рост иноверцев из среды местного населения. Тем, кого крестили, делали подарки – медный крест, рубаха и штаны, рукавицы и обувь, а также освобождение от ясака (налога) на пять лет [2]. Позднее льготы сократили ввиду того, что количество желающих освободиться от обременительной повинности стало резко расти, и в итоге совсем отказались от каких-либо материальных поощрений.

Первоначально православное христианство коренного населения носило номинальный характер. И это объясняется следующим. Во-первых, недостаточное количество священников и приходов. В начале XVIII в. городскими и церковными центрами были следующие населенные пункты: Якутск, Олекминск, Вилюйск, Верхоянск, Среднеколымск. Ненамного продвинулось строительство духовных учреждений даже через столетие: в 1806 г. действовало всего 19 церквей, 5 из которых находились в столичном Якутске. Во-вторых – большие расстояния между поселениями и сложность транспортного сообщения, что в значительной мере затрудняло своевременное окормление инородческой паствы. Поэтому этот период отмечается сравнительно небольшим количеством воцерковленных православных верующих из среды местного населения.

Учреждение в 1870 г. Якутской епархии знаменовало собой утверждение православного центра в крае и значительное расширение миссионерской деятельности. В наиболее крупных городских центрах и местах постоянного кочевания местных народов Севера началось активное возведение церквей и часовен, в котором зачастую принимали участие представители туземного

населения [3]. Силами миссионерского отдела при епархии разворачивается обширная программа по массовому крещению местного населения. Необходимо отметить, что принятие православного крещения не встречает открытого сопротивления со стороны аборигенного населения. Таким образом, к концу XIX в. большая часть коренного населения Якутии формально считалась приведенной к православию. Обращенных в православное христианство в Якутской области в XIX в. насчитывалось несколько сотен тысяч: по данным переписи на 1870 г., в Якутской области проживало 232 тыс. человек, из которых христианство исповедовали 219 тыс. якутов, тунгусов, чукчей и юкагиров [4].

Можно предположить, что сравнительно быстрое распространение православия среди коренных народов Якутии было обусловлено схожестью некоторых признаков в религиозном мировоззрении шаманизма и христианства. Об аналогии христианства и шаманских представлений свидетельствует ряд исследований Г. В. Ксенофонтова, где подробно анализируется идентичность функций шамана и Христа, выступающих посредниками между миром людей и Высшим, Верхним миром Верховного Бога [5]. Так, например, образ верховного якутского божества – Урун Айыы Тойон представлялся христианским Богом-Отцом, а злые духи – *абасы*, *уор'ах* – в якутском религиозном сознании слились с христианскими бесами. Синкретизм верований коренных народов и православной традиции сформировал особый тип двоеверия. Поэтому крещенные инородцы, принявшие «христианскую веру», не были православными в строгом каноническом смысле. Традиционные религиозные представления народов Якутии, занимающие прочное место в их культурной жизни, успешно сосуществовали с православной обрядностью, праздниками, символикой и отчасти мировоззрением. Как и православный культ, местные свадебные, родильные, погребальные обряды или их элементы соблюдались с суеверной точностью: «Венчание в церкви не устраняло в жизни крещенных родовичей уплаты за невесту калыма и сложного церемониала якутской свадьбы, проникнутого вполне языческим духом» [6]. Неизменным у местных жителей оставалось обращение к услугам шамана в случае серьезной болезни. Некоторые верования коренных народов сохранились без каких-либо модификаций. Надо сказать, что и русская христианская среда испытала на себе инокультурное влияние со стороны

местного населения. Известны факты, когда шаманы нередко заменяли священника и врача между русскими православными верующими. Хотя шаманов русские попы и полицейские власти нередко преследовали, и камлания совершались не так открыто. Феномен двоеверия, где произошло сращивание христианства с шаманскими, анимистическими и магическими представлениями, – устойчивое явление, бытовавшее в Якутской области вплоть до XIX в.

Одним из важных достижений воздействия русской культуры на культуры этносов Якутии явилось создание письменности языков коренных народов на основе русского алфавита. Понимание важности знания местных языков для успешной христианизации привело к целенаправленной и систематической работе по изучению языка, которой занимались священнослужители. Постепенно русским православными священниками, такими как Д. Хитров, Иннокентий Вениаминов и другие, была составлена грамматика якутского, юкагирского, эвенкийского, чукотского и других тунгусских языков [7]. Были сделаны первые переводы книг и священных текстов на языки коренных народов Севера [8]. Впоследствии, дальнейшее развитие письменности коренных народов Севера продолжили русские политические ссыльные – Н. Г. Чернышевский, Н. Я. Штернберг, В. Г. Богораз-Тан и др. Это стало началом серьезной лингвистической работы по изучению языков народов северо-востока Сибири. Значение факта введения письменности трудно переоценить, так как это позволило коренным народам Якутии приобщиться к мировой культуре, а также фиксировать национальные культурные традиции.

Таким образом, в результате взаимодействия разных культурных традиций – русской и народов Якутии сложилась принципиально новая культурная реальность. Православная христианизация, русификация, введение письменности и образовательных учреждений, межэтнические браки и другие формы ассимиляции оказали сильное влияние на традиционную культуру местного населения Якутии. Это привело к трансформации религиозных представлений, языка, традиционных видов промысла, что положило начало значительным и необратимым процессам в традиционной культурной жизни коренных этносов.

Примечания

1. Якутия до прихода русских // Якутск вечерний. 2008. 25 янв.
2. Токарев С. А. Очерк истории якутского народа. 1940. С. 131.

3. Ноговицын В. П. Прошлое, настоящее, грядущее саха. 2004. С. 28.
4. Горохов С. Н. Пастырство Вениаминова среди кочевых малых народов северо-востока Азии и их сегодняшнее положение // Илин. 1997. № 1. С. 51.
5. Ксенофонтов Г. В. Шаманизм. 1992. 253 с.
6. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов / Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь, Д. М. Павлинов. Т. 4. 1929. С. 11.
7. Православие на Дальнем Востоке. 2001. Вып. 3. С. 26.
8. Гуляева Е. П. Книга в Якутии: (1812–1916). 2004. С. 36.

СЕНИНА Е. А.

ОБРАЗ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В РЕШЕНИИ «ИНОРОДЧЕСКОГО» ВОПРОСА НА СТРАНИЦАХ СИБИРСКОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Сибирская демократическая пресса второй половины XIX – начала XX вв., поднимая на своих страницах одну из важнейших общесибирских проблем – «инородческую», вместе с тем отчетливо раскрывала образ местной администрации, в обязанности которой входило непосредственное участие в решении этого вопроса на своем уровне.

Относительно помощи местной администрации «инородцам» сибирская печать прямо указывала, что возложить на нее «подобные серьезные действия» – «значит желать ничего не сделать» [1]. За бедствия аборигенного населения в значительной степени местная пресса возлагала ответственность именно на сибирских администраторов, забота которых об «инородческом» населении сводилась по большей части лишь к бесконечным запросам и донесениям, не имевшим практическим последствий. На страницах сибирских изданий подчеркивалось, например, что дело о падежах скота у «инородцев», как правило, заканчивается канцелярской перепиской об общем количестве павших животных, иногда командировкой ветеринара для фиксации этого числа. Организация же борьбы с болезнями «инородческого» населения носит характер письменных наставлений, вроде указания «соблюдать чистоплотность, заводить бани, менять одежду по сезону и т. п.» [2]. Жалобы и просьбы «инородцев», которые посылаются мелким агентам власти, очень часто кладутся под сукно и не получают никакого движения.